

Итак, «Записка для составления законов Российских»¹ написана А. А. Безбородко во второй половине 1798 г. Ее текст наиболее точно передан копией В. П. Кочубея. Записка является важнейшим памятником общественно-политической мысли на рубеже XVIII—XIX вв., вышедшим из оппозиционного великокняжеского кружка, из членов которого в 1801 г. образовался Негласный комитет, где были выработаны основные внутривнутриполитические мероприятия начала александровского царствования.

В. Г. ЧЕРНУХА

МЕМУАРЫ СТОЛИЧНОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

С тех пор как столетие тому назад мемуаристика была отнесена к разряду исторических источников, интерес исследователей к воспоминаниям постоянно возрастает. Историки все чаще привлекают эти материалы для своих исторических построений, все больше предпринимается попыток рассмотреть особенности этого вида источника, решить ряд связанных с ним источниковедческих проблем. Источниковедческое изучение мемуаристики ведется в нескольких направлениях: предметом изучения являются либо отдельные, как правило крупные, произведения мемуаристики, либо компактные мемуарные комплексы, отобранные по какому-либо признаку (хронологическому, социальному происхождению автора, отражению в них процесса или события и т. п.). В этих штудиях и рассматриваются некоторые общие источниковедческие проблемы мемуаристики. Много реже историки ставят эти общие проблемы на базе всего корпуса мемуаров.

Общая характеристика русской мемуаристики второй половины XIX в. была дана С. С. Дмитриевым и Л. Г. Захаровой в университетских курсах источниковедения.¹ При этом Дмит-

ками 4-го и 5-го классов». (Там же, л. 5). Следует особо оговорить фразу: «В исследовании по сим делам да истребятся все способы потаенные и где права человека и гражданина угнетаются вопреки законов...». (Там же, л. 7). В ранней редакции находим: «... кровь человека согражданина угнетается...». (ЧОИДР, с. 141). Во всех списках поздней редакции значится: «... кровь человека и гражданина угнетается...» (ЦГИА СССР, ф. 1250, Бумаги, оставшиеся после смерти Д. Н. Блудова, оп. 1 (ч. XVI), № 44, л. 11 об.; ф. 1260, оп. 1, № 373, л. 11; Архив ЛОИИ СССР, ф. 36, оп. 1, № 400, л. 24 об.; ОР ГПБ, ф. 731, оп. 1, № 81, л. 8). Думается, что чтение в копии Кочубея «права человека и гражданина», переключенное с французской «Декларацией прав человека и гражданина», является более правильным.

¹ Дмитриев С. С. Воспоминания, дневники, частная переписка. — В кн.: Источниковедение истории СССР. М., 1973, с. 393—416; Захарова Л. Г. Мемуары, дневники, частная переписка второй половины

риев предпринял и попытку классификации мемуаров, взяв за основу социально-профессиональное и общественное положение авторов и выделив на этом основании несколько групп, в том числе мемуары государственных деятелей. Предлагая расширить последнюю группу за счет воспоминаний чиновников в целом, автор настоящей статьи видит свою задачу в анализе одной из частей этой группы — мемуаров столичной бюрократии второй половины XIX в.

Здесь для изучения взяты только воспоминания (дневники, составляющие значительную долю мемуарного наследия чиновничества, требуют особого рассмотрения), причем лишь изданные. Автора прежде всего занимают воспоминания чиновников центрального аппарата, непосредственно участвовавших в разработке и осуществлении правительственной политики.

Выделение любой группы воспоминаний ныне для исследователя облегчено появлением ценного справочника под редакцией П. А. Зайончковского.² При отборе этой группы мемуаров возможны два подхода: широкий, учитывающий лишь принадлежность авторов к столичной бюрократии, тогда в сфере внимания исследователей оказываются и такие воспоминания, которые относятся к периоду их провинциальной, скажем, службы, и подход узкий, принимающий во внимание только отражение в них службы в центральной администрации. Разумеется, подход исследователя зависит от того, чем он занимается. Изучение биографий, моделей карьер, социальной психологии бюрократии требует широкого подхода к отбору, занятия проблемами истории высших и центральных государственных учреждений, внутренней политики обуславливают более жесткий отбор.

Автор статьи избрал второй, «узкий» подход. Для наблюдения выделен «малый» круг воспоминаний. Исключение делается только для мемуаров правительственных деятелей, поскольку для историков важны и подробности их служебной карьеры.

Для начала отметим, что лишь небольшая часть воспоминаний чиновничества увидела свет в виде отдельных изданий. Именно так были опубликованы мемуары С. Ю. Витте, К. Ф. Головина, А. И. Дельвига, В. П. Мецкерского, Е. М. Феоктистова, П. А. Черевина.³ Подавляющее же их большинство появилось на страницах журналов, часть была тут же — без каких-либо изменений — переиздана. Основными, массовыми поставщиками на книжный

XIX в. — В кн.: Источниковедение истории СССР XIX—начала XX в. М., 1970, с. 368—399.

² История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях, т. 1—3. М., 1976—1981.

³ Витте С. Ю. Воспоминания, т. I—III. М.—Пгр., 1923—1924; Головин К. Мои воспоминания за 35 лет. 1859—1894. Т. I—II. СПб. [б. г.]; Дельвиг А. И. Мои воспоминания, т. I—IV. М., 1913; Мецкерский В. П. Мои воспоминания, ч. I—III. СПб., 1897—1912; Феоктистов Е. М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Л., 1929; Черевин П. А. 1) Записки. (Новые материалы по делу каракозовцев). Кострома, 1918; 2) Воспоминания. 1863—1865. Кострома, 1920.

рынок мемуарной литературы вообще и воспоминаний чиновников в частности были дореволюционные исторические журналы.

XIX век был временем быстрого развития русской мемуаристики, берущей свое начало в XVIII в. В XIX в. этот литературный жанр развивается и количественно, и качественно. В мемуаротворчество вовлекаются новые социальные группы, авторы ставят перед собою все более широкие задачи. На процесс мемуаротворчества накладывают свой отпечаток социально-экономическое развитие страны, рост образования, культуры, упрочение национального самосознания, расцвет литературы. Широкий общественный интерес к истории собственной страны, подхлестнутый Отечественной войной 1812 г.,⁴ породил во второй половине XIX в. бурное учредительство в области исторической журналистики. Исторический документ со страниц ученых изданий перекочевывает в журналы, предназначенные для широкого (относительно!) читательского круга. Во второй половине XIX в. утверждается тип ежемесячного исторического журнала, ориентирующегося на любителей исторического чтения.⁵

В 1863 г. в Москве П. И. Бартенев основывает «Русский архив», вскоре, в 1870 г., М. И. Семевский начинает издавать в Петербурге «Русскую старину». Наличие этих журналов не останавливает А. С. Суворина и С. Н. Шубинского, и с 1880 г. они приступают к выпуску в Петербурге аналогичного издания — «Исторического вестника». В 1913 г. в Москве начинает выходить «Голос минувшего». Все это были однотипные издания, однако следует сказать, что издатели и редакторы сумели придать своеобразие каждому из этих журналов. Когда А. И. Фаресов говорил о редакторе «Исторического вестника» С. Н. Шубинском, что тот «угадал потребность иметь исторический журнал с обработанным и живым материалом из русской жизни, а не в виде сухих документов о ней»,⁶ то он имел в виду противопоставить этот журнал в первую очередь «Русскому архиву», где печатались почти исключительно документы, а отчасти и «Русской старине», содержание которой было несколько более «сухим», чем «Исторического вестника», постоянно печатавшего русские и переводные исторические романы, путевые очерки и т. д.

Именно эти журналы вынесли основную тяжесть по изданию мемуаров вообще и мемуаров чиновников в особенности. Редакторы их неумолимо разыскивали мемуары, заказывали их, готовили к печати.⁷

⁴ Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980.

⁵ Подробнее см.: Дмитриев С. С. 1) Русские исторические журналы по истории СССР. — В кн.: История СССР периода капитализма. Научно-методическое пособие. М., 1961, с. 167—190; 2) Источниковедение русской исторической журналистики. (Постановка темы и проблематика). — В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976, с. 272—305.

⁶ Фаресов А. И. С. Н. Шубинский как редактор журнала. — Истор. вестник, 1913, № 7, с. 180.

⁷ Воспоминания о П. И. Бартеневе, М. И. Семевском и С. Н. Шубинском как редакторах см.: Брюсов В. «Обломок старых поколений». Петр

Разумеется, это далеко не полный перечень русских исторических журналов, но именно они оказались самыми долговечными и наиболее много сделавшими для предоставления читателю обширной исторической литературы всех ее жанров, включая мемуары. Существовали еще ученые сборники и журналы. Охотно печатали воспоминания литературные журналы «Вестник Европы», «Русский вестник» и др.

Интерес читателя к дневникам и воспоминаниям чиновников был особого рода. Дело в том, что характерной чертой русской государственной жизни XIX в. была ее «закрытость» для общественных кругов. Правительственная политика была прерогативой императора, располагавшего абсолютной властью и считавшего себя неподконтрольным общественному мнению. Подданные не только не могли вмешиваться в политику, но даже претендовать на осведомленность относительно планов правительственных верхов. Именно потому подданным было крайне интересно, хотя бы с опозданием на несколько десятилетий, узнать о том, что происходило в правительственных и ведомственных кругах, и, спроецировав узнанное на свое время, догадаться о происходящем сегодня. Даже и в 1909 г. было интересно прочитать в воспоминаниях П. М. Ковалевского, как его дядя, Е. П. Ковалевский, министр народного просвещения в 1858—1861 гг., боялся Вольной русской печати. «Приедет министр в заседание Государственного совета или Комитета министров, — красочно описывал П. М. Ковалевский, — ему навстречу выпимают из карманов вырезанные статьи в доказательство того, что никакая пуговица на вицмундире не служит щитом от порицания или насмешки. А тут еще Герцен высылает свои издания с полным адресом (он высылал их всем министрам и сановникам), и каждый раз приходится испытывать дрожь: не пробрал ли он за что-нибудь?»

— Этот раз, слава богу, ничего, — радуется, бывало, старик, пробежавши присланное.⁸

Исторические журналы, где было опубликовано большинство рассматриваемых здесь воспоминаний, ставили своей задачей (увы!) не вооружение историка для его работы тщательно изданным источником, а предоставление массовому читателю, интересующемуся историей, занимательного и поучительного чтения. На удовлетворении читательского спроса зиждилось финансовое благополучие издания. Этим и определялся подход к публикации вос-

Иванович Баргнев. — Русская мысль, 1912, № XII, с. 108—118; Тимошук В. В. М. И. Семевский, основатель и редактор исторического журнала «Русская старина». Его жизнь и деятельность. 1837—1892. СПб., 1895; Кауфман А. Е. За кулисами печати. (Отрывки воспоминаний старого журналиста). — Истор. вестник, 1913, № 7, с. 97—99; Фаресов А. И. С. Н. Шубинский как редактор журнала, с. 173—188; Михайлов К. Н. На редакционном приеме у С. Н. Шубинского. (Личные о нем воспоминания). — Истор. вестник, 1913, № 12, с. 1014—1032.

⁸ Ковалевский П. М. Власти предержащие. — Русская старина, 1909, № 2 (февраль), с. 305.

поминаний издателей и редакторов, не стеснявших себя строгими правилами научной археографии.

По утверждению сотрудника «Исторического вестника» К. Н. Михайлова, его редактор считал «надлежащим» материалом для своего журнала «тот, который приятен и правится публике и легко ею переваривается».⁹ Разумеется, строгий подход к археографии источника мог лишь «утяжелить» материал (в данном случае, воспоминания) и сделать его скучным для читателя.

В. Я. Брюсов, в 1899—1902 гг. исполнявший при П. И. Бартенева обязанности, условно говоря, секретаря редакции, позже свидетельствовал об археографических «приемах» издателя «Русского архива»: «Современные методы исследования и издания документов были ему чужды. Он почитал себя вправе не только сокращать, но и порою даже подновлять печатаемый текст. Излишняя заботливость о точности казалась ему „крохоборством“».¹⁰

Обычно публикаторами выступали редакторы журналов. Часто воспоминания они издавали без всяких археографических пояснений. Воспоминания чиновника Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел В. П. Авенариуса, Я. Г. Есиповича, А. А. Плещеева, товарища министра финансов при И. А. Вишнеградском Ф. Г. Тернера, К. И. Фишера и других¹¹ не были предварены никакими объяснениями издателей. В лучшем случае читателя ждало крайне скупое предисловие от редакции, в каждом случае разное. Общих правил публикации в журналах не существовало, незаметно их наличие и в каждом отдельном журнале.

Показателен пример публикации записок А. В. Эвальда и П. А. Кускова в одном и том же «Историческом вестнике».¹² Оба очерка посвящены службе авторов в Главном выкупном учреждении, созданном в 1861 г. для осуществления выкупной операции. Они производят впечатление сочинений, неразрывно между собою связанных не только темой и действующими в них персонажами, но даже манерой и причиной написания. Появившиеся первыми воспоминания Эвальда начинались с признания автора, что он попал на службу в Главное выкупное учреждение по совету уже

⁹ Истор. вестник, 1913, № 12, с. 1027.

¹⁰ Русская мысль, 1912, № XII, с. 116.

¹¹ Авенариус В. П. По чужому адресу. (Из служебных воспоминаний). — Истор. вестник, 1913, № 7, с. 189—193; Записки сенатора Есиповича. — Русская старина, 1909, № 1—11; Мардарьев Н. Г. Нечто из прошлого. (Из воспоминаний бывшего цензора). — Голос минувшего, 1916, № 5—6, с. 372—391; Плещеев А. А. Воспоминания о К. А. Скальковском. — Истор. вестник, 1906, № 12, с. 932—948; Воспоминания жизни Ф. Г. Тернера. — Русская старина, 1909, № 3—11; 1910, № 1—2, 4—6, 11—12; 1911, № 2—5. (Воспоминания эти тут же были напечатаны отдельным изданием); Записки сенатора К. И. Фишера. — Истор. вестник, 1908, № 1—12.

¹² Воспоминания А. В. Эвальда. — Истор. вестник, 1902, № 11, с. 454—474; Воспоминания П. А. Кускова. — Там же, 1910, № 12, с. 918—936.

служившего там Кускова. Позже опубликованные воспоминания Кускова производят впечатление работы, навеянной записками Эвальда. Воспоминания Эвальда не были предварены никаким введением, зато воспоминания Кускова имели редакционное предисловие, где говорилось о том, что Кусков недавно скончался; в его воспоминаниях почему-то была выделена как нечто цепное характеристика долголетнего главы Выкупного учреждения сенатора М. К. Цеймерна и, наконец, кратко пояснялись функции этого учреждения, уже знакомые читателю по воспоминаниям Эвальда.

Части записок известного цензора 50—60-х гг. О. А. Пржецлавского при его жизни публиковались без каких-либо введений,¹³ а первая посмертная публикация сопровождалась следующим подстрочным примечанием редакции: «Воспоминания эти составлены 3-го февраля 1880 г. сыном автора. Осип Антонович Пржецлавский род. 1799 г., умер 10-го декабря 1879 г. в Твери».¹⁴

Особенности публикации — полный текст, фрагмент, подлинник, копия, исправления, принадлежность заголовка — никогда не указывались, не сообщались приметы рукописи, не раскрывалась ее история. Чаще всего редакция считала необходимым лишь сообщить, откуда получена рукопись, подтверждая тем самым свои права на нее. Между тем редакционное введение к публикации, всегда желательное, иногда было просто необходимо, поскольку текст воспоминаний ставил перед читателем загадки. В качестве примера можно сослаться на записки Я. Г. Есиповича.¹⁵ Предваряя свои записки, Есипович писал, что он намерен «в видах беспристрастия» снять некоторые характеристики, а также, что он представляет «широкие права» на зашифровку имен «неисторических» и «микроскопических» лиц, упоминаемых в записках.¹⁶ Успел ли он сам осуществить это намерение или же зашифровка была сделана издателем, руководствовавшимся иными соображениями, оба ли они «прошлись» по тексту, остается неизвестным.

У А. П. Николаи (в 1881—1882 гг. он был министром народного просвещения, в 1884—1894 гг. — председателем Департамента законов Государственного совета) оказался опубликованным очерк о разработке крестьянской реформы в Закавказье.¹⁷ Он в 1863—1874 гг. служил на Кавказе и был, в частности, председателем Закавказского центрального комитета об устройстве быта помещичьих крестьян. Опубликованный документ — не воспоминания, а исторический очерк, в котором личность автора, наиболее яркая примета мемуаристики, совершенно отсутствует, между тем название относит его к этому жанру. Естественно воз-

¹³ Русский архив, 1872, № 9, 10, 12; Русская старина, 1874, № 11, 12; 1875, № 7, 9, 12; 1878, № 4, 5.

¹⁴ Русская старина, 1883, № 8, с. 377.

¹⁵ Записки сенатора Есиповича. — Русская старина, 1909, № 1—11 (отдельный оттиск — СПб., 1909).

¹⁶ Русская старина, 1909, № 1, с. 122—123.

¹⁷ Николаи А. П. Воспоминания моей жизни. Крестьянская реформа в Закавказском крае. — Русский архив, 1892, кн. II, № 5, 6, 8.

никает вопрос, кто дал название очерку — автор или опубликовавший документ П. И. Бартепев. А в данном случае это важно для суждений о том, не был ли очерк извлечен из обширных воспоминаний, где был бы вполне уместен как некое документальное приложение.

Небрежно были изданы воспоминания служившего в Морском министерстве П. М. Ковалевского.¹⁸ Появились они в трех книжках как отдельные очерки, посвященные трем разным министерствам — морскому, народного просвещения и финансов. Первый очерк не был предварен введением от издателя и относился к более позднему времени, нежели опубликованный за ним в следующем номере журнала, а П. М. Ковалевский фигурировал и в тексте, и в оглавлении как Н. М. Ковалевский. Во втором очерке инициалы автора были исправлены, а самим воспоминаниям предпосылалось введение издателя, где, между прочим, упоминались предшествующие выступления Ковалевского с фрагментами мемуаров, однако никак не объяснялась происшедшая с изданием его воспоминаний в «Русской старине» путаница, поскольку было ясно, что второй очерк должен был идти первым. Публикация третьего очерка (в № 5) была снабжена примечанием — «Из посмертных бумаг П. М. Ковалевского». Напрашивается предположение о цензурных препонах, следовательно, о возможных изъятиях из текста.

Наиболее развернутые предисловия издателей обычно не превышали страницы. Примером таковых служат предисловия П. И. Бартепева к запискам Д. Н. Толстого (директора Департамента полиции исполнительной Министерства внутренних дел в 1861—1862 гг.)¹⁹ и М. И. Семевского к воспоминаниям М. Н. Муравьева.²⁰

Предисловие П. И. Бартепева к запискам Д. Н. Толстого (занимающее менее 1/2 страницы) в большей части было посвящено характеристике мемуариста как человека и отчасти как деятеля. Введение было своего рода данью памяти недавно (в 1884 г.) скончавшегося человека. Археографические принципы не оговаривались, не характеризовался, хотя бы и кратко, публикуемый источник. «Мы признательны вдове его за позволение обнародовать нижеследующие выдержки из его записок, к сожалению, не конченных. Живой ум и деятельное сердце постоянно влекли его к участию в современной жизни, и, несколько раз принимаясь за свою автобиографию, он покидал ее для какого-нибудь труда, который более занимал его», — писал Бартепев,²¹ и это все, что было

¹⁸ Ковалевский П. М. Власти предрержащие. — Русская старина, 1909, № 1, 2, 5.

¹⁹ Записки графа Дмитрия Николаевича Толстого. — Русский архив, 1881, № 5, с. 5—70.

²⁰ Граф М. Н. Муравьев. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1863—1866 гг. — Русская старина, 1882, № 11—12; 1883, № 1—5.

²¹ Русский архив, 1885, № 5, с. 5.

сказано им о публикуемом документе. Уже самое предисловие Бартенева вызывало вопрос: что он публикует, весь ли написанный, хотя и незавершенный, текст или фрагменты из незаконченного? Недоразумение усиливалось после прочтения авторского введения к запискам, где Д. Н. Толстой упоминает разные части своих записок, в том числе и о недоведенном до конца описании службы его во главе Департамента полиции исполнительной. Бартенева оставил без внимания это указание Толстого, хотя, надо полагать, опубликовал именно этот фрагмент воспоминаний в виде второй части записок, представляющих две совершенно не связанные между собою части. Первая была началом жизнеописания, начинавшегося обычной для таких источников фразой — «я родился. . .» — и рассказавшего о детских, юношеских и первых годах службы, а вторая — только историей его службы в Министерстве внутренних дел, — была доведена до отставки и производит впечатление завершенного рассказа, хотя и кончалась отточием (неизвестно, кем поставленным). Вторая публикуемая часть записок, датированная 12 марта 1864 г., была снабжена подстрочным примечанием издателя: «Этот второй отрывок писан графом Толстым в селе Знаменском, когда он находился в полной отставке».²² Несколько кратких подстрочных издательских примечаний отсылали читателя к упоминавшимся в тексте публикациям или уточняли персоналию.

Введение М. И. Семевского к мемуарам М. Н. Муравьева содержало в себе даже элементы критики источника, но, видимо, служило цели утилитарной: без этой критики была бы невозможна публикация документов, относящихся к столь недавнему (не прошло и 20 лет) времени. Принципы публикации Семевский обходил молчанием. Об истории записок в предисловии было сказано следующее: «Записки эти продиктованы графом Михаилом Николаевичем в течение трех месяцев, именно с 3 января по 4 апреля 1866 г., одному из бывших при нем чиновников А. Н. М-ву (Мосолову — в свою очередь автору воспоминаний о пребывании Муравьева в Вильно.²³ — В. Ч.), и несколько лет спустя разошлись по рукам в С.-Петербурге в нескольких списках. Наш список получен из первых рук, и 7 декабря 1881 г. мы получили от старшего distinguished внука покойного графа весьма любезно выраженное согласие на то, чтобы поделиться с читателями „Русской старины“ этим историко-биографическим памятником».²⁴

Записки, созданные М. П. Муравьевым вскоре после своей отставки, которую он рассматривал как проявление неблагодарности императора и результат интриг правительственных деятелей, были наполнены настолько резкой критикой национальной политики правительства, что, естественно, могли и даже должны были

²² Там же, с. 33.

²³ Мосолов А. Н. Виленские очерки. 1863—1865. (Муравьевское время). СПб., 1898.

²⁴ Русская старина, 1882, № 11, с. 388.

вызвать недовольство в то время еще живущих саповников, причастных к этой политике. Да и Александр III крайне не любил «преждевременной» публикации исторических документов, за что издателям (Семевскому, в частности) нередко выговаривалось.²⁵ Именно поэтому Семевский подчеркнул время составления записок, объяснив этим «пыл раздражения» и «злобу» воспоминаний. Более того, максимализм автора был отмечен издателем в качестве характерной черты его натуры, вообще обусловившей тон записок. «Беспристрастие в оценке людей... никогда не было достоянием ума графа Михаила Николаевича», — деликатно замечал Семевский.²⁶ Необходимость смягчения тона записок, хотя бы в поощаду П. А. Валуева, которому особенно досталось от Муравьева, вызвали частое вторжение публикатора в текст воспоминаний. Особо резкие выражения либо опускались, что было обозначено отточиями, либо сопровождались восклицательными и вопросительными знаками, свидетельствующими о несогласии публикатора с замечаниями мемуариста. Более того, Семевский вообще позволил себе разорвать текст записок. Когда в очередной раз речь зашла о противодействии П. А. Валуева, Семевский прервал повествование вставкой «от редакции», где говорилось о «несостоятельности» оценок, привнесенных настроениями более позднего времени, и в доказательство, что в 1863 г. Муравьев относился к министру внутренних дел «с полнейшей признательностью», привел полный текст двух писем Муравьева Валуеву (май и август 1863 г.), надо полагать, полученных Семевским от экс-министра, ознакомившегося в рукописи или в журнале (к этому времени вышло уже два номера с записками Муравьева) с произведением виленского генерал-губернатора. Заклучив публикацию писем обширным наставлением «от редакции» о необходимости будущему историку «с величайшей осторожностью» относиться к оценкам, сделанным Муравьевым, Семевский вновь вернулся к тексту записок, пометив: «Обратимся, однако, к прерванному рассказу графа Михаила Николаевича Муравьева».²⁷

²⁵ Симина Н. Г. Исторические документы на страницах «Русской старины» в 70—80-х годах XIX в. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Л., 1964, с. 197—198. — Симина приводит ряд высказываний Александра II и Александра III, свидетельствующих об их отношении к публикациям исторических источников. В 1889 г. Александр III (возможно, имея в виду также записки М. Н. Муравьева) заявил М. И. Семевскому при представлении последнего царю: «Да, это издание (т. е. «Русская старина». — В. Ч.) весьма интересно, но в нем иногда появляются материалы и сведения не вполне исторической давности». К 1890 г. относится его же резолюция, но общего значения: «Вообще надо обратить внимание на все теперешние исторические журналы, которые постоянно печатают совершенно лишние подробности и факты, и слишком рано печатают различные мемуары и записки». (Там же, с. 197, 198).

²⁶ Русская старина, 1882, № 11, с. 388.

²⁷ Русская старина, 1883, № 1, с. 145—149. — Точно такой же прием был применен при публикации мемуаров О. А. Пржевальского. В рассказе о печально известном своим хищениям из сумм «инвалидских» капита-

Очевидно, с помощью таких приемов публикации Семевскому удалось сохранить часть текста записок от посягательств цензуры. О том, что какие-то изъятия из текста при публикации этих мемуаров Семевский сделал, говорят отточия.²⁸ Однако известно, что он довольно свободно обращался с текстом мемуаров, даже и не обозначая купюры,²⁹ поэтому исследователь всегда будет оставаться в недоумении, насколько полон опубликованный текст.

Интересен в археографическом отношении опыт издания воспоминаний директора канцелярии Морского министерства в 60—70-х гг. К. А. Манна.³⁰ Здесь мы сталкиваемся с коллизией предоставления статуса публикатора владельцу рукописи, душеприказчику автора — его племяннику А. И. Манну. И тот, надо полагать, не в силу своей большей осведомленности в правилах научной публикации, нежели редакция «Исторического вестника», а в силу индивидуального отношения к рукописи, прекрасно справился с изданием воспоминаний дяди. Он предпослал запискам введение («Вместо предисловия»), где поднял многие из проблем археографии и истории источника. Там объяснялось, как он стал владельцем рукописи, излагалось все, что он знал об истории ее написания, указывалось, где она находится и куда он намерен ее передать. Раскрывались принципы ее опубликования. Он заверил читателя, что весьма бережно отнесся к оригиналу, воспроизведя его «чуть ли не фотографически», но что вынужден был в то же время сделать некоторые изъятия описаний «событий» и «характеристик лиц», обнародование которых было бы «неудобно и несвоевременно». Минусом публикации является то, что публикатор не показал читателю этих выпущенных мест. А. И. Манн предупредил даже о том, что он внес и литературную правку, подчеркнув, что она производилась лишь в случаях, когда оказывались нарушенными правила грамматики. Публикатор объяснил, что в случаях расхождения сообщаемых мемуаристом сведений, касающихся его семьи, с теми, что имелись у публикатора, он помещает свои комментарии. Более того, читателя предупреждали, что после опубликования рукописи ее владелец намерен передать ее на хранение в Рукописное отделение имени Публичной библиотеки, чтобы будущие историки могли сверить публикацию с оригиналом, в частности с целью проверки правильности прочтения издателем авторского почерка. Таким образом, это была одна из наиболее грамотных публикаций. Аналогична история публикации записок чиновника Министерства внутрен-

лов Политковском издатель сделал пространную вставку-дополнение. (Там же, № 9, с. 522—524).

²⁸ Недаром публикатор воспоминаний П. А. Черевина, состоявшего при Муравьеве в 1863—1865 гг. для особых поручений, Ф. Рязановский писал, что записки Муравьева были «испорчены в угоду цензуре и сильным мира» (с. II).

²⁹ Симина Н. Г. Исторические документы. . . , с. 202—203.

³⁰ Воспоминания К. А. Манна. — Истор. вестник, 1917, № 1—7/8.

них дел П. А. Шульца³¹ одним из его детей. Публикатор («Н.Ш.») заявил, что это извлечение из записок его отца, предоставившего душеприказчикам право публикации тех их частей, которые «могут представить... исторический или общественный интерес», что фрагмент был избран для публикации самой редакцией и что он не пошел ни на какую даже литературную правку, опасаясь искажений. Единственно, что было опущено им, это строки, касающиеся семейных дел. Читателю сообщались краткие биографические сведения об авторе для того, чтобы фрагмент стал понятен как эпизод в цепи служебной карьеры, и сообщалась дата написания его (1875 г.), чтобы читателю были понятнее авторские ссылки на «современность».

Однако эти грамотные публикации были редким исключением, но не правилом.

Все эти факты приведены здесь не для того, чтобы упрекнуть издателей в пренебрежении правилами научной археографии, ибо, как уже говорилось, они себе таких целей и не ставили, а для выяснения «качества» публикации имеющихся в нашем распоряжении мемуаров чиновников. Возможно, для издателей журналов мемуаристика нового времени еще не приобрела патины исторического документа, требующего внимательного и бережного обращения. Для них важнее была литературная, публицистическая, занимательная сторона мемуаристики.

Правда, положение с изданием мемуаров изменилось в советское время, когда исторические издания перешли из сферы коммерческой в научную. Однако это положительное явление менее всего отразилось на мемуарах чиновничества. После революции начали издаваться в первую очередь воспоминания участников революционного движения, долгое время находившиеся под спудом. Мемуарной литературы, принадлежавшей перу правительственных деятелей, чиновников XIX в., было издано немного, причем это были главным образом дневники (П. А. Валуева, В. Н. Ламздорфа, Д. А. Милютина, А. А. Половцова, Е. А. Перетца, А. В. Никитенко и др.), а значит, общая картина археографии мемуаров существенно не меняется.

Такое положение с научным уровнем издания мемуаров столичного чиновничества второй половины XIX в. ставит перед исследователями, работающими с этим видом источника, весь набор вытекающих отсюда сложностей: на них ложится и вся та работа, которую обычно продельывает публикатор, разыскивая сведения об авторе и рукописи. Найти ныне эти сведения значительно труднее, нежели во времена публикации рукописи, когда были живы автор либо его близкие. Поскольку часть рукописей к нашему времени оказалась уже утраченной, то часть данных теперь можно извлечь только с помощью наблюдений над печат-

³¹ Острожский комитет в Петербурге в 1856—1857 гг. Из воспоминаний Павла Антоповича Шульца. — Голос минувшего, 1915, № 1, с. 124—143; № 2, с. 146—170.

ным их текстом, а это, разумеется, чревато возможностью неточных выводов. Существующая ныне неуверенность в полноте и точности воспроизведения авторского текста обязывает историков во всех случаях предпринимать попытки архивных разысканий оригинала мемуаров.

Одна из задач источниковедения — оценка достоверности источника — при работе с мемуаристикой состоит прежде всего в выяснении побудительных мотивов написания записок и тех целей, которые авторы перед собою ставили. Существуют универсальная причина мемуаротворчества, специфические, порождавшие ту или иную группу мемуаров, и частные, двигавшие каждым из мемуаристов. Универсальная причина мемуаротворчества в последнее время так была сформулирована А. Г. Тартаковским, подводившим итоги многим высказываниям: «Стремление личности запечатлеть для современников и потомства опыт своего участия в историческом бытии, осмыслить себя и свое место в нем».³² Подчеркнем в этом определении несколько затупеванную Тартаковским (вследствие выдвижения на первый план личностного начала) вторую сторону мемуаристики — стремление запечатлеть «время». Иногда именно оно, а не автор становится главным «героем» воспоминаний. Мемуарист — первый историограф своего времени, правда, в отличие от историка-профессионала, не связанный заданными ему уровнем историографии проблематикой и методикой, а свободно их выбирающий. Концепции мемуаристов нередко оказывают большое влияние и на идущих вслед за ними историков. Именно так, как представляется, обстояло дело с либеральной русской историографией, занимавшейся буржуазными реформами 60-х гг. XIX в.

Среди мемуаристов второй половины XIX в. группа чиновников весьма значительна, что заставляет рассмотреть вопрос о причинах этого явления. Ответ заключается как в специфике профессии, так и в особенностях психологии этой социальной группы. Во-первых, чиновничество было — наряду с интеллигенцией — наиболее образованным слоем России второй половины XIX в., во-вторых, наиболее привычным к письменному творчеству, в-третьих, оно было причастно (и столичное особенно!) к правительственной политике, а последняя касалась и затрагивала всех и каждого, следовательно, сведения о собственной деятельности имели широкое общественное значение. И, наконец, многолетняя служба так вовлекала чиновника в круг общественных интересов, что и после отставки (а именно тогда обычно писались воспоминания) над ним продолжала тяготеть известная инерция профессионального бытия (так тонко подмеченная многими писателями, например, Ж. Сименоном в «Президенте»), заставлявшая их продолжать свою «службу» и в отставке, хотя бы в форме составления итогового отчета о деятельности. К тому же вынужденная отставка, неудачная карьера, неопределен-

³² Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика, с. 23.

ные заслуги — все это дополнительно стимулировало мемуаротворчество именно чиновников. И распространенные, специфические причины, и частные, обусловленные особенностями личности и судьбы, довольно отчетливо «читаются» во многих мемуарах. Неосознанные намерения, обусловленная этим отставка заставили взяться за перо Д. Н. Толстого и рассказать о периоде своей службы в Департаменте полиции исполнительной.

Стремление подчеркнуть значение своей деятельности, свести счеты с противниками, вернуться к политической деятельности двигали С. Ю. Витте,³³ мемуары которого являют собою ярчайший пример политической мемуаристики.

М. Н. Муравьев и П. А. Шувалов не снизили до объяснений причин, почему из долгой служебной деятельности они выбрали лишь по одному эпизоду (первый — двухлетний период генерал-губернаторства, а второй — месяц заседаний Берлинского конгресса), но известно, что это были особенно «горячие» точки их карьеры. Вокруг Берлинского конгресса, расценивавшегося многими современниками как поражение русской дипломатии, кипели страсти, и П. А. Шувалова, представителя России на этом конгрессе, сильно порицали за сделанные европейской дипломатии уступки, сползание с позиций предшествовавшего конгресса в Сан-Стефано.³⁴ Именно это побудило ушедшего в отставку Шувалова набросать воспоминания о Берлинском конгрессе³⁵ и давать их затем для чтения в попытках отместить обвинения, препятствовавшие его дальнейшей карьере. Для М. Н. Муравьева его мемуары были средством борьбы с противниками его методов национальной политики, утверждения значения своей деятельности.

Все это следует учитывать при работе с мемуарами чиновников.

Некоторые из чиновников-мемуаристов не только задумывались над задачами мемуаристики, но и пытались объяснить читателю свое понимание этих задач; если же прямых высказываний по этому поводу ряд записок и не содержит, то анализ проблематики, содержания воспоминаний позволяет эти задачи реконструировать.

Распространенное определение задач мемуаристов дал О. А. Пржецлавский, объяснивший появление мемуаристики изменившимися задачами историографии. Если прежде история занималась только «событиями» и «личностями», влиявшими на эти события, то теперь для истории нужны сведения об «эпохе», «состоянии общества». Отсюда вытекает и задача мемуари-

³³ Апаньич Б. В., Ганелин Р. Ш. Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907—1915 гг.). — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения СССР. М.—Л., 1963, с. 308 и др.

³⁴ Адо В. И. Берлинский конгресс 1878 г. и помещичье-буржуазное общественное мнение России. — Истор. записки, 1961, т. 69, с. 101—141.

³⁵ П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе. — Красный архив, 1933, № 4 (59), с. 82—109.

стики — сохранить «частности», которые придают эпохе «движение» и «колорит».³⁶

В известной мере установка О. А. Пржецлавского перекликается с позицией Ф. Г. Тернера, писавшего: «Мне кажется... что жизнь каждого человека, если проследить ее от колыбели до смерти, представляет сама по себе некоторый психологический интерес; это да послужит мне извинением перед могущими быть читателями моих воспоминаний, если они не найдут в них того интереса, на который они, может быть, рассчитывали».³⁷

Сходство исходных позиций состоит в том, что оба мемуариста признают важность частных, событий повседневной жизни, воссоздающих живую картину истории, разница же заключается в том, что Тернер делает акцент на ценность автобиографического материала, целостность жизнеописания, поучительность его именно в таком виде. Очевидно, близки к тернеровской точке зрения на задачи мемуаристики и все другие лица, выступавшие в жанре жизнеописаний. Н. В. Шелгунов, известный участник революционного движения 60-х гг., служивший в 50-х гг. в Министерстве государственных имуществ, считал желательным, чтобы «каждый» человек, участвовавший, как он выразился, во «внутренней жизни», оставлял воспоминания, объясняющие обстоятельства, поставившие его на тот или иной путь. Такие воспоминания в сумме, говорил он, дали бы целостную картину эпохи.³⁸

У Пржецлавского акцент на жизнеописание отсутствует, и это заставляет предполагать (в соответствии с характером его записок), что для него важна в мемуаристике не столько собственная жизнь, сколько его свидетельства о людях и событиях. Отсюда очерковость, «калейдоскопичность» его воспоминаний.³⁹

Особый подход к мемуарам, сознательно проводимый мемуаристом и определивший их содержание, обнаружил Я. Г. Есипович: «Настоящие записки начаты были с одною *специальной* целью (курсив мой. — В. Ч.) — сохранить главные черты процесса, производившегося в Верховном Уголовном суде о государственном преступнике Каракозове и его сообщниках».⁴⁰ Есипович был секретарем суда на процессе Каракозова и действительно располагал уникальной информацией, которую намеревался сохранить и обнародовать. Так возникли его записки. Его убеждение, что воспоминания должны отражать в первую очередь наиболее общественно важные события, в которых автор принял участие, привело к созданию второго фрагмента его записок — о за-

³⁶ Беглые очерки. Воспоминания О. А. Пржецлавского. — Русская старина, 1883, № 8, с. 377.

³⁷ Русская старина, 1909, март, с. 661.

³⁸ Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания в двух томах. Т. I. М., 1967, с. 54.

³⁹ Русский архив, 1872, № 9, 10, 12; Русская старина, 1874, № 11, 12; 1875, № 7, 9, 12; 1878, № 4, 5, и др.

⁴⁰ Записки сенатора Есиповича. — Русская старина, 1909, № 1, с. 122.

прещении издания газеты И. С. Аксакова «Москва», которое рассматривалось в Сепате, где служил Есипович.⁴¹

Это, конечно, особый подход. Для мемуариста важно сохранить уникальную и общественно-значимую информацию, известную лишь ему. Это в то же время подход, характерный для мемуариста-чиновника. Первоначально близок был к такому же, как Есипович, пониманию задач мемуаристики и директор канцелярии Морского министерства К. А. Манн, ибо начал составление записок с фиксации, по утверждению его душеприказчика, подтверждаемому и содержанием записок, «отдельных наиболее ярких моментов из его жизни»,⁴² а если учесть, что под этим подразумевается жизнь служебная, то речь также идет о том, чтобы донести до читателя информацию, если не уникальную, то во всяком случае малоизвестную. В дальнейшем Манн переменял намерение и начал объединять очерки в связное повествование, автобиографию.

Мемуары чиновников, как все мемуары вообще, представляют собою по форме и содержанию очень пеструю картину. Личность авторов, их жизненный опыт, особенности судьбы, взгляды, пристрастия, литературные способности, представления о задачах мемуаристики, обстоятельства написания воспоминаний — все накладывало отпечаток индивидуальности на воспоминания. Начнем с того, что одни воспоминания состояли из нескольких страничек, например воспоминания В. П. Авенариуса,⁴³ другие — достигали нескольких томов, например воспоминания С. Ю. Витте, В. П. Мещерского, А. И. Дельвига. Одни мемуаристы живописали подробнейшим образом свою жизнь, другие ограничивались характеристикой обычаев и деяний других лиц, ими встреченных. Каждый чиновник-мемуарист был не только государственным служащим, но еще и членом общества, участником общественной, культурной, светской жизни, человеком семейным, но один в воспоминаниях считал необходимым ограничиться строго служебной деятельностью, а другой, наоборот, рассказывал о чем угодно, кроме службы. Служивший в Министерстве внутренних дел в 60—70-х гг. известный романист В. А. Соллогуб в своих воспоминаниях⁴⁴ отразил почти исключительно свою светскую и литературную жизнь, встречи с музыкантами, заграничные поездки, лишь изредка несколькими словами обмолвиваясь о своей службе, а управляющий Государственным банком Е. И. Ламанский⁴⁵ выделил единственную жизненную линию — историю с начала своей подготовки к службе, а затем и самой службы в кре-

⁴¹ Там же, № 4, с. 146.

⁴² Истор. вестник, 1917, № 1, с. 43.

⁴³ Авенариус В. П. По чужому адресу. (Из служебных воспоминаний). — Истор. вестник, 1913, № 7, с. 189—193.

⁴⁴ Воспоминания графа Владимира Александровича Соллогуба. СПб., 1887.

⁴⁵ Из воспоминаний Е. И. Ламанского. — Русская старина, 1915, № 1—12.

дитно-банковской сфере. Его воспоминания — «пособие» по истории кредита и банков в России.

Поэтому всякая попытка классифицировать воспоминания⁴⁶ по форме и содержанию, свести их в какие-то четкие группы чревата упрощением и может дать повод для споров: не все записки легко поддаются занесению в какую-либо графу, даже если изобрести весьма сложную рубрикацию. Мемуары столичного чиновничества, как и мемуары других социальных групп, чаще всего по форме представляют собою либо развернутую автобиографию, либо очерк, освещающий какое-либо событие, отрезок служебной карьеры или же рисующий портрет представителя бюрократических кругов.

Автобиографий среди изданных воспоминаний столичных чиновников не так уж и много. Таковую форму имеют записки А. А. Ауэрбаха, А. И. Георгиевского, К. Ф. Головина, П. И. Голубева, А. И. Дельвига, Н. А. Качалова, Е. И. Ламанского, К. А. Манна, В. Н. Никитина, К. А. Скальковского, В. А. Соллогуба, Ф. Г. Тернера, К. И. Фишера, А. Д. Шумахера, М. П. Щербинина.⁴⁷ Сюда же с некоторой натяжкой могут быть отнесены воспоминания С. Ю. Витте. Вид автобиографических записок придают им первые главы, рассказывающие о детстве и семье, но это поздние вставки, сделанные, по его собственному признанию, чтобы рассказ был «более или менее связным».⁴⁸ И хотя И. В. Гессен, первым издавший их русский текст, постарался свести два разных пласта его записок в последовательное повествование (гессеновское издание явилось основой для издания советского, ибо до недавнего времени никто из советских исследователей не видел рукописи мемуаров⁴⁹), все же записки Витте не приняли классическую форму жизнеописания, неся отчетливые следы серии «объяснительных записок» автора по наиболее для него болезненным вопросам политики, как убедительно показали Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин.

В большинстве случаев жизнеописания эти остались незавершенными, а иногда еще и неоконченными публикацией. Из предисловия к воспоминаниям ближайшего сотрудника Д. А. Толстого по Министерству народного просвещения А. И. Георгиевского известно, что он довел их до 1867 г.; однако опубликован-

⁴⁶ Интереснейшую попытку анализа разных по авторской психологии типов мемуаров представляет работа Л. Я. Гинзбург «О психологической прозе» (Л., 1977).

⁴⁷ Георгиевский А. И. Мои воспоминания и размышления. — Русская старина, 1915, № 2, 4, 5, 6, 9; Качалов Н. А. Записки. — Голос минувшего, 1916, № 5—6, с. 5—23; Никитин В. Н. Воспоминания. — Русская старина, 1906, № 9—11; 1907, № 1, 2; Скальковский К. А. Воспоминания молодости. (По морю житейскому). СПб., 1906; Шумахер А. Д. Поздние воспоминания о давно минувших временах. — Вестник Европы, 1899, № 3 и 4; Щербинин М. П. Воспоминания. — Русский архив, 1876, кн. III, с. 285—313.

⁴⁸ Витте С. Ю. Воспоминания, т. I. М., 1960, с. 58.

⁴⁹ Ананьич Б. В. О рукописи и тексте мемуаров С. Ю. Витте. — Вспомогат. истор. дисциплины, XII. Л., 1981, с. 188—204.

ная их часть обрывается на более раннем времени, хотя и сопровождается пометой — «продолжение следует».⁵⁰

Гораздо больше воспоминаний столичного чиновничества увидели свет как очерки об отдельных случаях или периодах их служебной деятельности. О некоторых из этих очерков известно, что они являются лишь извлечениями из рукописей, причем последние могли иметь и форму дневников, и форму жизнеописания. Очевидно, именно из дневников были извлечены А. С. Харламовым, чиновником канцелярии С.-Петербургского обер-полицмейстера 60-х гг., опубликованные им эпизоды.⁵¹ У Н. П. Игнатьева оказалась изданной лишь та часть воспоминаний, которая относится к его дипломатической деятельности 60—70-х гг.,⁵² в то время как в архиве хранятся и записки его о службе на посту министра внутренних дел в 1881—1882 гг.

В форме очерков известны воспоминания Ф. Ф. Воропонова, Г. К. Градовского, Я. Г. Есповича, П. М. Ковалевского, А. Ф. Кони, П. А. Кускова, Н. Н. Мамантова, Н. Г. Мардарьева, М. П. Муравьева, А. П. Николаи, О. А. Пржецлавского, П. А. Черевина, П. А. Шувалова, А. В. Эвальда.⁵³ Сюда же входит и очень известная серия воспоминаний о реформе 1861 г.

Другая группа очерков — портретные зарисовки правительственных деятелей или чиновников высокого ранга, чья деятельность была известна и представляла широкий интерес. Одни из таких мемуарных очерков содержат только рассказ о личных встречах и впечатлениях, другие являются биографическим очерком, материалы для которого отчасти почерпнуты из памяти, а частично основаны на источниках.

Примером таких портретных зарисовок первого типа являются очерки П. Д. Стремоухова, служившего в 60—70-х гг. в Министерстве внутренних дел, а затем в Главном управлении по делам печати. Во время разработки и проведения крестьянской реформы он был нижегородским губернским предводителем дворянства и в этом качестве, представляя интересы помещиков, имел частые стычки с губернатором А. Н. Муравьевым, о котором написал один из очерков.⁵⁴ В этой же должности ему до-

⁵⁰ Русская старина, 1915, № 2, с. 343—345; № 9, с. 442.

⁵¹ Харламов А. С. Отрывки из воспоминаний. — Истор. вестник, 1889, январь, с. 86—105.

⁵² Записки Н. П. Игнатьева печатались в 1914—1915 гг. в «Известиях Министерства иностранных дел», «Русской старине» и «Историческом вестнике», а в 1916 г. вышли отдельно.

⁵³ Воропопов Ф. Ф. 1) Моя петербургская служба. 1872—1882 гг. — Вестник Европы, 1904, № 11, с. 135—185; 2) Крестьянский банк и его начало. Из личных воспоминаний. — Там же, 1905, № 12, с. 507—559; Градовский Г. К. Столичная бюрократия в 70-х годах. (Из воспоминаний литератора). — Вестник знания, 1909, № 3, с. 328—335; № 6, с. 751—757; Мамантов Н. Н. При шести министрах. — Вестник Общества ревнителей истории, 1916, в. 3, с. 80—97; Мардарьев Н. Г. Нечто из прошлого. (Из воспоминаний бывшего цензора). — Голос минувшего, 1916, № 5—6, с. 327—391.

⁵⁴ Стремоухов П. Д. Нижегородский губернатор А. Н. Муравьев. (Из моих воспоминаний). — Русская старина, 1891, № 5, с. 349—361.

велось познакомиться с назначенным в апреле 1861 г. вместо С. С. Ланского П. А. Валуевым, героем другого очерка его воспоминаний.⁵⁵ Стремоухов не переводит свои воспоминания в биографию, но зато рассказы о встречах включает в общен историческую канву, давая тем самым уже представление о характере государственной деятельности описываемых лиц. Историю своего знакомства с Валуевым он изложил на фоне недовольства помещиков реформой, а отсюда и С. С. Ланским, ожиданий их в связи с назначением Валуева и первых обнадеживающих впечатлений, в том числе и от установки нового министра на замещение губернаторских должностей из числа предводителей дворянства. Стремоухов оказался одним из первых предводителей, перешедших на государственную службу. В качестве рязанского губернатора он оказался вовлеченным в борьбу с дворянской фрондой, ибо рязанские дворяне поддержали оппозиционное выступление москвичей 1865 г. И в этой должности Стремоухов всячески пытался воспрепятствовать той самой оппозиции, в которой непременно принял бы участие, не будь он представителем администрации.

История выступления рязанских помещиков рассказана Стремоуховым под углом зрения его отношений с Валуевым. В 1867 г. Стремоухов поступает на службу в Министерство внутренних дел. Встречался он с Валуевым и тогда, когда последний возглавлял Министерство государственных имуществ и созданную по его инициативе сельскохозяйственную комиссию, куда Стремоухов входил от Министерства внутренних дел. Служба в Главном управлении по делам печати отражена в воспоминаниях о его начальнике М. Р. Шидловском.⁵⁶

Особенно много выступал с воспоминаниями о своих современниках А. Ф. Кони. Его мемуарная портретная галерея ученых, литераторов, юристов, государственных деятелей насчитывает много десятков произведений. Среди них воспоминания о М. Т. Лорис-Меликове, Д. А. Милютине, П. А. Шувалове.⁵⁷ Воспоминания о С. Ю. Витте были вызваны к жизни появлением первого издания записок Витте, и отметим попутно, что это еще одна из причин мемуаротворчества. Воспоминания Кони о современниках написаны мастерски, ценность их не только в воссоздании живого образа, но и в том, что он всегда подается на фоне эпохи и на поприще деятельности, которые охарактеризованы человеком, умевшим обобщать и оценивать события, видеть их глазами историка. Эти очерки Кони чаще всего строятся на эпизодах личных встреч мемуариста с героями его очерков, но иногда автор вводит и биографический материал.

⁵⁵ Стремоухов П. Д. Из воспоминаний о графе П. А. Валуеве. — Русская старина, 1903, № 11, с. 273—293.

⁵⁶ Стремоухов П. Д. М. Р. Шидловский. — Русская старина, 1903, № 6, с. 553—554.

⁵⁷ Они собраны в 5-м томе его Собрания сочинений (М., 1968).

Мемуары Е. Э. Картавцева, управляющего Крестьянским и Дворянским банком в 80-х гг. XIX в., о министре финансов, затем председателе Комитета министров Н. Х. Бунге — пример такого очерка, в котором биографические сведения, почерпнутые «на стороне», теснейшим образом переплетены с личными воспоминаниями.⁵⁸

С воспоминаниями-некрологами выступал на страницах своего журнала М. И. Семевский, в том числе и воспоминаниями о представителях бюрократической верхушки,⁵⁹ с которыми был хорошо знаком по своей службе в Государственной канцелярии.

В целом же эти обычно небольшие по объему очерки составляют значительную группу мемуаров, написанных в разной мере.⁶⁰

Перевес очерков над автобиографиями легко объясним: разное, эпизодическое творчество было доступнее, осуществимее, не требовало «исповедальности», почти неизбежной при автобиографическом построении мемуаров.

Обращает на себя внимание наличие среди оставивших воспоминания чиновников этого времени большого числа лиц, известных своей литературной деятельностью в области беллетристики, поэзии, публицистики.

Литературные запятия с государственной службой сочетал В. П. Авенариус, известный в свое время автор антинигилистических повестей и произведений для детей, а ныне ведомый лишь литературоведам, да и то благодаря разгромной рецензии М. Е. Салтыкова-Щедрина на его сборник «Бродящие силы». А. И. Георгиевский был автором многих ученых сочинений. Г. К. Градовский гораздо более известен как публицист, нежели как чиновник, каковым он являлся, и свидетельством того, что казенная служба не прошла для него бесследно, являются неко-

⁵⁸ Картавцев Е. Э. Николай Христофорович Бунге. Биографический очерк. — Вестник Европы, 1897, № 5, с. 5—39.

⁵⁹ Семевский М. И. 1) Александр Иванович Головин. — Русская старина, 1887, № 3, с. 767—790; 2) Сергей Иванович Зарудный. — Там же, 1888, № 2, с. 477—479; 3) В кн.: Константин Николаевич. — Там же, 1892, № 2, с. I—VI.

⁶⁰ Васильев А. В. Памяти Т. П. Филиппова. Пб., 1901; Коки А. Ф. Памяти Я. Г. Есиповича. — В кн.: На жизненном пути, т. 2. СПб., 1912, с. 430—439; Оболенский Д. Д. Граф В. А. Бобринский. — Русский архив, 1898, № 7, с. 461—464; Плещеев А. А. Воспоминания о К. А. Скальковском. — Истор. вестник, 1906, № 12, с. 932—948; Рудиц С. Д. Воспоминания о деятельности И. И. Шамшина на посту управляющего Межевой частью. — Журн. Министерства юстиции, 1912, № 2, с. 163—185; Семенов Н. П. Болезнь и кончина генерала Ростовцева. По воспоминаниям и документам. — Русский вестник, 1866, № 2, с. 723—745; Хрущов И. П. Памяти графа И. Д. Делянова. СПб., 1898; Цез В. А. А. В. Головин и его отношение к А. И. Герцену. — Русская старина, 1897, № 11, с. 273—277; Шумахер А. Д. Несколько слов о г.-а. Тиманеве и отношении его к общественным учреждениям. — Вестник Европы, 1893, № 12, с. 846—857; Юргенс Ф. А. Воспоминания об Е. И. Ламанском в связи с деятельностью Государственного банка. СПб., 1903.

торые из его воспоминаний-очерков. П. М. Ковалевский был поэтом, литератором, но его воспоминания «Власти предрержащие» целиком посвящены людям и событиям, связанным с его служебной деятельностью. Директор Горного департамента К. А. Скальковский много выступал в печати, в частности с театральными рецензиями. П. А. Кусков был не только чиновником Главного выкупного учреждения, но и поэтом и философом. В. Н. Никитин, выслужившийся из писарей до директора Петербургского тюремного комитета, был автором беллетристических и научно-публицистических произведений. Ф. Г. Тернер выступал с экономическими и теософскими сочинениями. А. В. Эвальд на всем протяжении второй половины XIX в. печатался как беллетрист и публицист. О. А. Пржецлавский занимался издательской деятельностью. И это не говоря о таких известных беллетристах, как К. Ф. Головин, В. П. Мещерский и В. А. Соллогуб.

Наличие среди мемуаристов-чиновников значительного числа литераторов обусловило сильную «беллетризацию» некоторых записок: наличие живописных деталей, шаржированных портретов, множества обширных диалогов. Последними отмечены, например, воспоминания В. Н. Никитина и П. М. Ковалевского. Обычно прямая речь (да еще и не просто реплика, а целые монологи или диалоги) вызывает недоверчивое отношение читателя. Однако с отрицанием ее точности не следует спешить. Ответ на вопрос о ее достоверности может дать внимательный анализ мемуаров.

Пространные диалоги есть в воспоминаниях В. П. Мещерского, но там же можно прочесть, что он вел дневник, и встретить пространные выдержки из него. Более того, приведя свой разговор с петербургским генерал-губернатором А. А. Суворовым 1866 г. (т. II, с. 40), мемуарист пояснил, что разговор был записан им тотчас же. Ясно, что он был перенесен в воспоминания из дневника, а потому заслуживает доверия не только по существу, но и в отношении точности передачи. Кстати, форма пространных дневника, куда заносилось все злободневное, была нужна в то время Мещерскому для оказания влияния на наследника, с которым он был близок. (Позже такие же дневники составлялись и представлялись им как Александру III, так и Николаю II). Ежедневно по вечерам, при встречах, они читали свои дневниковые записи и обменивались мнениями. Это обязывало Мещерского к точности, ибо немедленная проверка записей не представляла трудностей.

А. Ф. Кони в своем рассказе о встречах с М. Т. Лорис-Меликовым приводит пространный монолог (с характерными оборотами речи) ушедшего в отставку министра внутренних дел о его планах введения общегосударственного представительства и т. п. Естественное сомнение читателя в том, что память мемуариста могла сохранить подлинные слова и выражения, снимается признанием автора, что он записал их немедленно.

Разнящиеся по форме воспоминания столичного чиновничества разнообразны по своей проблематике и содержанию. Но объединяет их одно — отражение в них служебной деятельности авторов. Воспоминания В. А. Соллогуба с почти полным игнорированием службы — редкое исключение среди записок. Обычно же служба автора, особенности деятельности ведомства, характеристики начальников, сослуживцев занимают главное место в этих воспоминаниях.

Авторы воспоминаний представляют всю чиновничью иерархию — от министров и главноуправляющих (М. Н. Муравьев, А. П. Николаи, П. А. Шувалов), товарищей министров (Ф. Ф. Тернер), директоров департаментов (Д. Н. Толстой, А. Д. Шумахер) и канцелярий до рядовых служащих. Среди авторов и люди, всю жизнь состоявшие на государственной службе, и те, кто оставил ее скоро ради литературной или иной деятельности.

Естественно, служебное положение мемуариста определяло его осведомленность, круг занимавших его проблем, а потому сказывалось и на содержании воспоминаний, однако это не означает автоматического повышения значимости источника в зависимости от чина и должности мемуариста. На содержании мемуаров, а отсюда и на их значении сказывались интересы, наблюдательность, память, литературные способности авторов, а потому зачастую записки малозначительных по должности и рангу чиновников оказываются содержательнее, нежели произведения их более высокопоставленных коллег. Особенно заметно это на воспоминаниях чиновников-литераторов, как правило, очень интересовавшихся общественно-политической жизнью и не замыкавшихся в рамках своей канцелярии или департамента (воспоминания Г. К. Градовского, К. Ф. Головина, В. П. Мещерского).

Как бы ни было разнозначно содержание мемуаров чиновников, как бы иногда ни казались некоторые из них малоинтересными, все они несут (как и произведения мемуаристики вообще) ту особую информацию, которая не содержится, как правило, в официальном документе. И если официальный документ позволяет установить, что было, то документ мемуаристики дает возможность объяснить, как было. О том, что существовал экзамен на чин, известно из официальных документов, но как проводились эти экзамены, можно узнать, например, из воспоминаний В. Н. Никитина.⁶¹ Изучив документы так называемой Тюремной комиссии 70-х гг., можно констатировать, что ею был разработан проект передачи контроля над тюрьмами в Министерство юстиции, но что в последний момент было решено сохранить его за Министерством внутренних дел. Однако точную причину резкого изменения позиции членов комиссии можно установить на основании воспоминаний Г. К. Градовского, красочно описавшего приезд на ее заседание шефа жандармов и его давление на ее членов.⁶²

⁶¹ Русская старина, 1906, № 10, с. 54—161.

⁶² Вестник знания, 1909, № 6, с. 756—757.

Самые небольшие по объему и частные по содержанию мемуары порой содержат весьма ценные сведения. Несколько страниц воспоминаний Н. А. Качалова, рассказавшего о своем детстве, предварены вводным абзацем, где объясняется причина обращения его к мемуаротворчеству после выхода в отставку, и здесь же объяснена причина отставки: расхождение во взглядах с министром финансов Н. Х. Бунге на «управление таможенной частью», сразу же наталкивающая исследователя на одну из коренных проблем экономической политики. Формулярный список и другие официальные документы, отражающие факт выхода Качалова в отставку, не объясняют так недвусмысленно ее причину.

Это всего лишь несколько примеров, которыми мы вынуждены ограничиться и которые могут быть бесконечными или весьма многочисленными даже на материалах какого-либо одного мемуарного источника. Множественность исследовательского подхода к русской истории второй половины XIX в. позволяет и позволит все разностороннее использовать данные этих источников. Сейчас их использование наталкивается на очень слабую в целом изученность этой группы источников. Ведь только воспоминаниям С. Ю. Витте посвящены специальные работы, лишь небольшое число мемуаров, преимущественно изданных (или переизданных) в советское время, имеют вводные статьи публикаторов, где поднимаются источниковедческие проблемы. Нужно же специальное изучение буквально каждого из этих источников, которое только и позволит оценить значение каждого из них.

В. В. ЛАНИН

МЕМУАРЫ АДМИРАЛА И. А. ШЕСТАКОВА

Судьба мемуаров морского министра И. А. Шестакова является примером того, как заслуживающий внимания источник в силу своей неизученности не вводится в научный оборот и многие ценные сведения, содержащиеся в нем, не попадают в поле зрения историков. Если значение дневников И. А. Шестакова для изучения внутренней политики России второй половины XIX в. отмечалось такими исследователями, как П. А. Зайончковский и Ю. Б. Соловьев,¹ то обширные мемуары морского министра за 1830—1881 гг. используются мало:² были опубликованы в уре-

¹ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970, с. 11; Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973, с. 79.

² Из современных исследователей, пожалуй, лишь В. Г. Чернуха использовала в своей монографии «Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX века» (Л., 1978) отдельные сведения из воспоминаний.